

Перевешан Виктор

29.1.2000.

С утра начинайте готовить дыхательный аппарат

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

Выг. клуб - 2000 - 29 янв - 47.

Виктор ПЕРЕЛЬМАН: В МОСКВЕ МЕНЯ СРАЗУ ЗАМЕТИЛА МАФИЯ

В последнюю четверть XX века русское зарубежье переживало настоящий бум издательского дела. Едва ли не каждый эмигрант из СССР, если он на родине был хоть как-то связан с писательским ремеслом, попадая на Запад, принимался что-то издавать: газету, журнал, альманах. Но большинство эмигрантских изданий недолго просуществовало: выходило 2-3 номера. Лишь самые живучие продолжают выходить и по сей день. Но даже среди них журнал "Время и мы", которому 25 лет, видится настоящим долгожителем. Его основал и бессменно им руководит Виктор Перельман, журналист и писатель, бывший наш соотечественник, эмигрировавший в свое время в Израиль. Впоследствии он переехал вместе с журналом в США и продолжает его выпускать уже там.

— Виктор Борисович, первый номер вашего журнала вышел 25 лет назад. Вы помните, как это было?

— Вам может это показаться странным, но самое неизгладимое впечатление оставил даже не сам номер, а наш первый подписчик. Начнем с того, что на первых порах журнал в глухую не шел. Из трех тысяч тиража было продано что-то штук 20, и дальше — ни в какую. И вот я сижу на этих трех тысячах в десятиметровой комнатухе, которую мы сняли у одной престарелой пары на тель-авивской улице Ибн-Гви-роль, и пытаюсь представить себе первого нашего подписчика. Ждали кого угодно, но тот, кто явился, одним своим видом вызвал в редакции настоящий шок. Хромая, вошел старый еврей с палочкой, в каком-то немислимом балахоне, по акценту явно израильтянин. Будем, говорит, господа, знакомы, зовут меня Цви-йка, фамилия — не важно, зовите Рабинович. Так вот, господа, я желаю иметь абонемент на ваш журнал "Хазман ве анахну", аф руссиче "Время и мы". Это еще что, думаю, за явление? Да у него ни гроша за душой нет — какой это подписчик! Давайте, говорю, любезный, адрес, подписка стоит 55 лир. Но, но, говорит, мне нужна не одна, а восемь подписок для моих московских друзей. "А вы хоть понимаете, в какую это вам влетит копейка?" — пытаюсь спустить его на землю. "Ну это уж, извините, не ваша забота, мои друзья люди с деньгами, к тому же они люди культурные — за хороший журнал ни перед чем не постоят". Ну, думаю, если уж КГБ решил нас поддерживать, значит и впрямь с нами Бог.

— Издание журнала очень недешевое занятие. Максимовский "Континент", как известно, опла-

чивал газетный магнат Шпрингер. А где вы достали деньги?

— Когда встал вопрос о средствах, я решил пойти на крайнюю меру — пробиться лично к Пинхасу Сапиру! Уже не помню, какую он тогда занимал должность — министр финансов или еще кто-то в этом роде, но он командовал всеми израильскими деньгами, это знал каждый еврей. И вот, после всяких проволочек и формальностей, я у него в кабинете. Вначале все шло прескверно. Я стал жаловаться на свои мытарства: денег никто не дает и прочее. А он сидел за громадным письменным столом и тихо дремал. А как дошло до денег, он и вовсе уснул. Но когда я вконец расстроенный, собрался уже уходить, он вдруг неожиданно проснулся и, сверкнув в мою сторону очками, говорит своему помощнику: "А ты знаешь, мне этот еврей чем-то нравится!" И все с этого дня переменялось. И ссуду дали, и деньги на следующий номер пришли. Вот тогда-то я впервые понял, как много решает в нашей жизни случай и везение. Едва я вышел от Сапира, как повстречал одного знакомого бизнесмена. Он был тогда еще совсем молодым человеком. О журнале он уже знал и первое, о чем спросил: чем я тебе, Виктор, могу быть полезен? Известно чем, отвечаю, — деньгами. Что там деньги, отвечает, — презренный металл, вам не деньги нужны, а громкие имена. Скажи, кого ты хочешь иметь в редколлегии? Хочешь Голду Меир? Хочешь Моше Даяна? А хочешь Абу Эвана? С Голдой Меир и Даяном, конечно, не вышло. Зато всем на удивление в нашей редколлегии появились представитель Израила в ООН Йосеф Текоа и бывший начальник военной разведки Аарон Ярив. А эти-то что в журнале делают? — изводили меня дру-

зья. Раз вошли в редколлегию, значит что-то делают! — торжественно и многозначительно отвечал я.

— В вашем журнале печатались самые знаменитые авторы русского зарубежья — Галич, Сияновский, Виктор Некрасов...

— К названным вами я бы еще прибавил Коржавина, Бродского, Артура Кестлера, Толю Якобсона, даже Гроссман печатался у нас. Одних знаменитых имен хватило бы на целую страницу. Но если вы спросите меня, кого именно я бы выделил особенно, то я бы назвал двоих. Ну первого в России сейчас все хорошо знают. Это Сергей Довлатов. Начал он с того, что прислал мне из Вены письмо, в котором умолял меня взять его в редакцию. Кем угодно. Корректором. Сторожем. Уборщиком. Швейцаром. Но только в редакцию. Без редакции он просто не знает, как будет жить. Потом явился собственной персоной — громадный, всегда головой за приголовку задевал, с неизменно серьезным и вместе с тем лукавым лицом, вот сейчас возьмет и такое вам отмочит, что просто не будете знать, куда себя деть. Не успел появиться в Нью-Йорке, как сразу пустил по миру каламбур о нашем издании: "Странный журнал "Время и мы" — прозы нет, поэзии нет, публицистики нет, а журнал хороший". Как хотите, так и понимайте! Что, впрочем, не помешало ему стать нашим постоянным автором и печататься у нас до последних своих дней.

— А кто же второй ваш легендарный автор?

— А о втором нынешнее поколение вообще, думаю, не слышало. Это бывший генеральный секретарь коммунистической партии Израиля Микунис. В сталинские времена не было ни одного крупного партийного форума, где бы он под гром апло-

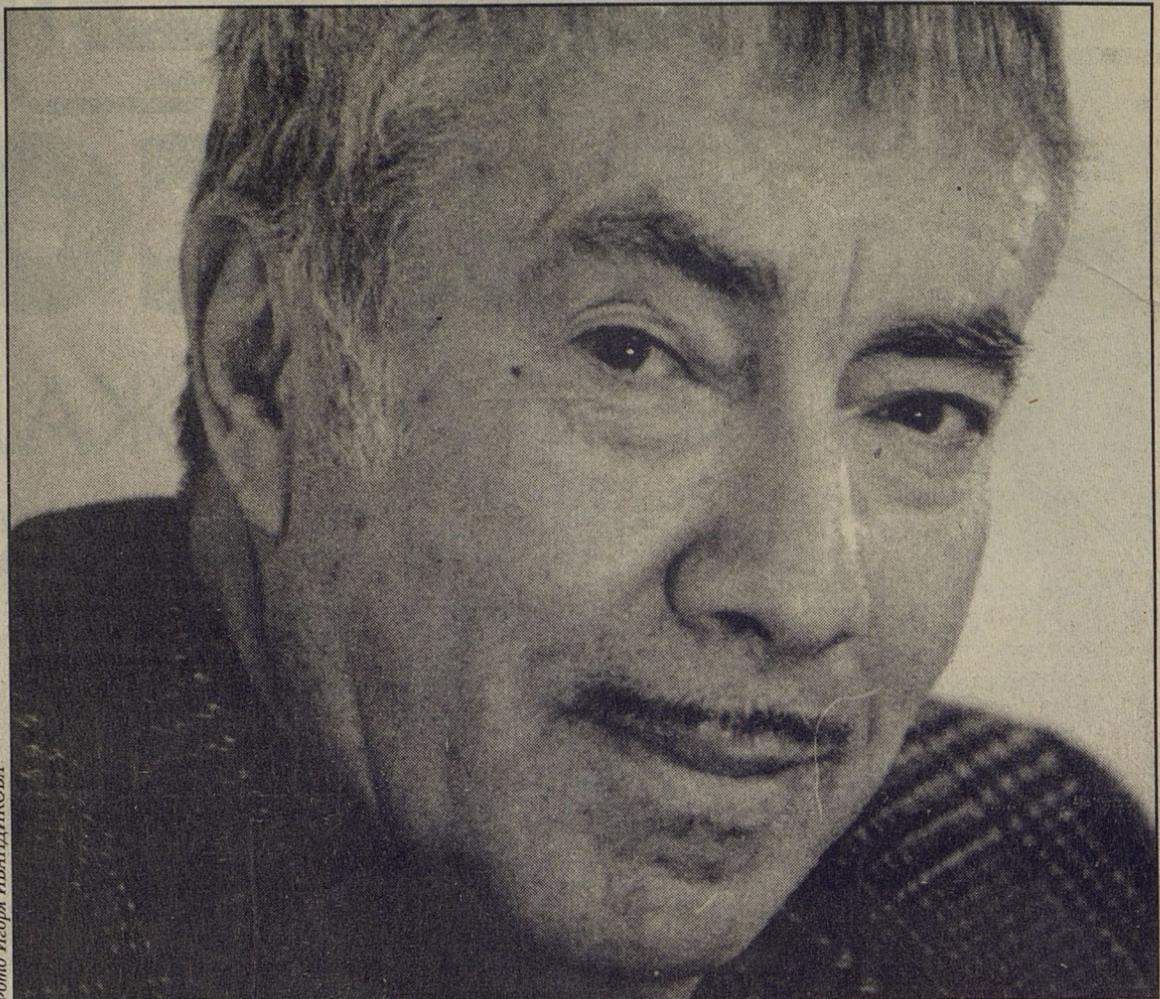

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

дисментов не приветствовал сначала товарища Сталина, а потом родную Коммунистическую партию Советского Союза. Но после шестидневной войны он порвал с КПСС и ушел со всех своих постов. Когда мы встретились в его маленькой квартирке в Тель-Авиве, это был уже старый и тяжелобольной человек, который за несколько месяцев до смерти решил на интервью нашему журналу. И говорил о том, на что не отважился ни один руководящий деятель партии, даже после перестройки — о психологии кремлевских вождей, ну и, конечно, о советской цеховской кухне, которую он великолепно знал.

— А вы-то сами пишете в свой журнал?

— Я очень люблю репортажи, интервью — жанры, где требуется живая беседа с людьми. По происхождению я ведь никакой не коммюнистический редактор, а репортер, плебей, для меня всего важнее факты и документы, свидетели и свидетельства истории. Помню, как мне пришлось бороться с 85-летней Марией Михайловной Иоффе, женой первого советского посла в Германии и бывшего личным секретарем Троцкого. 20 лет, проведенные ею в сталинских лагерях, давали о себе знать: во время интервью она вдруг заливалась слезами и начинала жаловаться, что их сторож в доме престарелых — гебешник, который каждый раз, как она уходит, взламывает ее дверь и крадет деньги. Что ж, свидетелей истории не выбирают — их надо принимать такими, какие они

есть. Ведь та же Мария Михайловна Иоффе вспомнила и с мельчайшими подробностями рассказала о том, как Троцкий, перед своим изгнанием из СССР, на глазах у энкаведешников сунул ей за пазуху свое политическое завещание и таким образом оно было сохранено для потомков.

— Не так давно вы, по примеру других русскоязычных зарубежных журналов, попытались перенести издание "Время и мы" в Москву. Но, кажется, эта затея не удалась?

— Это довольно долгая и непростая история. По правде говоря, я всю жизнь мечтал увидеть журнал выходящим в России. Однажды я не выдержал — это было в 1993 году. Привез весь тираж из Америки в Москву и стал развозить его по книжным магазинам. И знаете, что меня больше всего расстроило: не то, что к журналу проявляли мало интереса — это еще можно было понять. Но меня поразила дремучая бюрократия и недоброжелательство, с которым меня встречали книжные магазины. Я им предлагал на комиссию первый вернувшийся из Америки журнал, а они, даже не раскрыв его, немедленно начинали требовать от меня накладные, типографские счета, паспорт. У нас в Америке сдают на слово безо всяких накладных, удивлялся я. Так то Америка, а это Россия, отвечали мне. Один из директоров взял даже метр и стал вымерять, сколько пространства займет журнал на книжной полке в его ма-

газине. Он все гадал, сколько времени журнал будет лежать — больше, чем книги Вайнеров, или меньше? Если больше, то извините, он сотрудничать не сможет.

— Но общественность-то проявила какой-то интерес или нет?

— Вот послушайте. Кончилась моя московская одиссея тем, что я в конце концов попал в лапы одной мафиозной группировки. Все мои попытки сослаться на безденежье ни к чему не привели. "Это вы кому-нибудь рассказываете, — разглагольствовал их главный, — чтобы у американского журнала не было долларов!" "Да откуда у нас деньги, когда в журнале всего один человек!" — "Сколько? — он посмотрел на меня так, будто ему явилось заморское чудо. — Сколько вы сказали? Один?" Он покрутил пальцем возле виска и заявил, что я могу быть свободен. Правда, он попросил оставить для членов их организации журнальничков десять. Познакомиться. "У нас ведь, знаете, — сказал он, — не какая-нибудь там братва провинциальная, мы люди интеллигентные". Вот вам и общественность!

— И тем не менее отмечать 25-летие журнала вы будете именно в Москве.

— Да, совершенно верно. 29 января в Доме литераторов состоится юбилейный вечер. Начало в 17.00. Там будут выступать многие авторы журнала "Время и мы", в том числе и зарубежные. Думаю, будет очень интересно. Приглашаю всех.

Встречался Юрий РЯБИНИН